

18+

Павел Патлусов

Я не то сказал...

*Рассказы.
Часть первая*

Павел Патлусов

Я не то сказал...
Рассказы. Часть первая

«Издательские решения»

Патлусов П.

Я не то сказал... Рассказы. Часть первая / П. Патлусов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516145-1

Мною написаны и изданы в РИДЕРО повести, сказы, сказки и вот пришла очередь издать рассказы. Рассказ — это наиболее трудный жанр художественной литературы. В короткой прозаической форме нужно вложить не только смысл, но и особую ментальность автора, его отношение к миру людей. Только в этом случае рассказ начинает «играть» определёнными художественными красками. Удалось ли подобное автору — пусть рассудит читатель.

ISBN 978-5-00-516145-1

© Патлусов П.
© Издательские решения

Содержание

Счастье	6
Радетель	9
Локаут	11
Искуситель	12
Конфуз	13
Не виноватая я!..	14
Двое	15
Очки	16
На Кликун-озере	17
Шутка	19
«Ночная охота»	21
«Естественное право»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Я не то сказал...

Рассказы. Часть первая

Павел Патлусов

© Павел Патлусов, 2020

ISBN 978-5-0051-6145-1 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-6144-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Счастье

*Что смерть? – лишь ты не изменишь
душою – смерть не разрознит нас*

М.Ю.Лермонтов

Савелий Карпович, доживающий восьмой десяток лет, сидел за столом: крошил хлеб в горячий бульон, трясущимися руками подносил к бесформенному зияющему отверстию в седой бороде ложку с размокшим, пропитавшимся легким, для старцев, куриным бульоном кусочка хлеба.

Не только старость, но и дряхлость подступила к некогда здоровому, крепкому телу: маленькие, тускло-ледяные глаза, под мохнатыми, густыми и седеющими бровями постоянно слезились, глубокие морщины на лбу, щеках, возле носа, где нет густой поросли волос причудливо двигались в такт медленных жевательных движений. Жизнь невероятными усилиями цеплялась за это изношенное тело.

Возле печи, сноровисто ворочалась маленькая, сухонькая старушка, в длинном мышинного цвета платье в клеёнчатом в мелкий цветочек фартуке, который местами обильно замазан, затёрт сажей и жиром. Верхней губы у старушки как бы не было, и казалось, что нос острым углом сразу переходит в нижнюю массивную челюсть.

Кухня не представляла никакой особенности: русская печь с цветной занавеской, деревянная бочка для воды, ухваты, и конечно «потёмкинский трофей» – диван 30-х годов прошлого века с большими круглыми цилиндрами в качестве подголовников. В комнате, единственной в этом доме, кроме кровати, «горки» – шкафа для посуды, стоял круглый стол, да несколько с жестким сиденьем «венских» стульев. Кровати обычно были закрыты полинявшими от многочисленных стирок бледно-синими покрывалами. На столе – единственный источник информации – старенький радиоприёмник.

Анфиса Сидоровна, именно так звали и величали супругу Савелия Карповича, задвинув чугунок в печь, поставила хват в угол, по привычке вытерла руки о полотенце, висевшее возле печи на большом гвозде, обратилась к супругу, закончившему трапезу, уже пьющему чай из блюдца с каким – то особым «пришвыркиванием», протягивающем струйки горячего чая через волосяную сеть усов и бороды.

– Слышь, Савелий, погода-то опять метёт... У дома целый час огребалась...

– Дурна погода. – Вторил супруге он. – Спуталась... Раньше своим шла порядком... Нынче нет... Морозам надо быть, так нет метель. То-то собаки воют...

– Чой им не выть, Клашка Петрова – то, как два дня уже представилась... Твоя зазноба, – с некоторой долей ревности, то ли тайного глубокого непонятого недовольства отметила она, и тут же как бы в укор себе сказала:

– Надо идти: помочь в стряпне...

– Она ведь, Физа, меня года на два моложе... Крепкая девка была... Ноги, как белые стройные берёзки... Всё ждала раскулаченного Гаврю Карпухина... Не дождалась... Вышла в войну за безногого Прошку... Хватила с ним лиха...

– Ты счастья хватил, смотри – ко... – Возразила ему из обычного чувства противоречия или опять из ревности Анфиса Сидоровна, – в лагере побывал – побывал, немало лесу повалил, всю войну прошёл, ранен дважды – калека калекой... После войны одни изгибы да вывихи. Домик справили, дети пошли... Белый свет не видел... Чего нажил? Ничего!

– Может и не нажил... Так мы вдвоём были... Всё у нас хорошее и плохое на слад было... Ты в жизни ловкая бабёнка была, верная, не капризная...

– Ну-ну опять разнюнился, как бы укорила его супруга. – Посиди немного, часа три... Клашу провожу...

– Брось и за меня на гробик земельки... – Хлюпая носом, роняя слёзы, шаркая обрезанными валенками, называемыми странным названием: чуни, он лёг на диван, прикрывшись шерстяным пледом. – Ты уж закрой, Физушка, меня на замок... Что – то мне не можется.

Вскоре скрипнула дверь, брякнула накладка. Стало тихо.

Обрывки мыслей носились в отяжелевшей голове Савелия Карпыча: логического начала и конца у них не было, только отрывки и не более... Странные, яркие, грустные, порой совсем непонятные...

Внезапно вспомнил он ребят – детей своих, но не больших, а ещё маленьких, когда старший – Павля только в школу пошёл, Ната, с волосами белыми, как снег, перебирала землю на завалинке, приготовляя из грудок пыли «пирожки», Димка – второй сын, ходит, косолапя, не выпуская соски изо рта, и постоянно держась за подол матери... На четвертом ребёнке мысль оборвалась... Вспомнил вдруг Маргарет Тетчер... Сильная была, но ушла... У нас министры не уходят самостоятельно – крепче видно... У англичан нет пролетарской цепкости. Хоть с кем-то, хотя бы с Димкой о политике поговорить... Много чудного творится... Вот Карька, всплыл в памяти, мерин, удобная и сноровистая была лошадь... Любил, ох как любил с ним пахать... Земля была с терпким, вкусным запахом... Вот Кешка Хорёк: согнал всех с земли... Сам не работал и другим не дал... Командовать любил. Что теперь-то с землей будет?..

Тяжело, резко вздохнул, он неожиданно понял, что ему уже безразличны и Тетчер и Ельцин и Кешка Хорёк, и даже своя милая родная деревенька, которая, казалось всей плотью, духом вошла в него. Пустой, равнодушный взор обратился на какое – то мгновение к окну, где он различил слабое белое очертание. Что это? Смотри, улыбается и пальчиком манит...

Вот и легко, как легко: нет болезней, старческой немощи. Необъятный простор. Кружусь по воздуху... Какое необычно приятное состояние. Это что? Неужели у меня была такая безобразная оболочка, я носил это? Как странно: лежит нечто... Плакать будут не о чём, а я свободен, свободен... Только Физу жаль... Предупредить надо...

Заскрипел снег: вот постукали валенками о крыльцо: звякнула накладка. Клубы холодного воздуха ворвались на кухню. – Дремлешь, Савва..?

– ...

В это время он попытался её успокоить, обнять, чтобы не тревожилась попусту... Но странно: она вскрикнула, бросилась к этой безобразной «оболочке», упала ей на грудь и рыдалась... Рыдает, плачет... Совсем смешная... Неужели не понимает, что здесь лучше, куда приятней, вот даже ангелы и серафимы на иконах улыбаются, как живые, живые, живые...

– Физа, Физа! – Он поманил её рукой... Без слов, без длинных диалогов они поняли друг друга.

– Савушка, – кричала она. – Мы вместе... Танцуем!..

– Танцуем... Смотри какое прекрасное многоцветное поле, – отвечал ей супруг.

Они забыли в этой радости всё. Танцевали как в юности, счастье такое внезапное, неожиданное, пришедшее как искупление за земные трудности, захватило их... Они без остановки кружились, летали и уже мечтали о другом, о не земном...

На следующий день, соседи отметили, что у Прохоровых даже снег от крыльца не отгребли. Решили проверить. На стук не ответили – взломали дверь... В кухне, на старом диване лежали, обнявшись уже заковеневшие супруги. Долго после этого, в деревне ходили разные пересуды о случившемся, но все отмечали: не мучались, умерли вместе...

К этим разговорам многие неизменно добавляли, что три ночи подряд видели два светящихся силуэта над домом умерших, которые самым замысловатым образом прыгали, тан-

цевали, летали, то поднимаясь высоко в небо, то кружась таинственным вальсом над крышей обветшавшей избышки.

Радетель

Ранним майским утром Петр Михайлович «припёрся» к теще, проживающей на окраине поселка, по довольно банальной для этого времени причине: необходимо было вытащить посевной картофель из подполья. На этот раз в дверь «ломиться» он не думал, а зашел в избу со двора, где ворота практически всегда не закрывались; там находился «сторож» – большой пёс «смахивающий» по виду на волка, по крайней мере, зубами он щёлкал, как настоящий лесной «разбойник». Пётр Михайлович потрепал собаку за шею и спокойно зашёл в избу.

В кухне, на короткой металлической цепочке, под самым потолком горела лампада. Анна Анкудиновна – восьмидесятилетняя старушка, одетая в просторный синего цвета с белыми мелкими цветочками халат, стояла на коленях.

– Поклоны бьёшь?! Здравствуйте! – громко сказал он, ввиду старческой тугоухости тещи.

– Бью, – начала подниматься старушка с полу. – Ох, встать – то не могу... Подсоби!

Петр Михайлович слегка приподнял тещу над полом.

– Приступила одной ногой на подол халата – вот, и не можешь встать! Подбирай подол халата, когда земные поклоны кладёшь!

– Усь, а мне невдомёк, – всё думаю: немочь...

– Короткие надо юбочки – то носить, – смеётся зять.

– Да уж не носила в «давешние» времена, то и теперь не стоит привыкать. Вот Тоня через Лиду передала мне три «фиговинькие» конфетки: я за неё – доброго человека, поклоны – то и бью...

– Да – к твоя благодетельница другой веры, стоило ли молиться?

– За людей другой веры молимся святому Ауру, а за своих, нашей веры – святому Паисию.

– А что молитвы ещё не должны путаться? – снял с головы картуз Петр Михайлович, а следом начал скидывать и куртку.

– Не богохульствуй. Ты вот плату за электроэнергию несешь в одно место, а за воду – в другое. Так?

– Так.

– Вот и не спрашивай.

– И за кого ты больше читаешь молитвы: за – своих, или за чужих – иноверцев.

– Конечно за своих.

– Значит: святой Паисий работает больше, чем святой Аурий, то есть последний устроился там – на небесах значительно лучше.

– Не знаю, но так положено.

– А почему нельзя сразу напрямую молиться Богу за благодетельницу Антонину.

– А ты к нашему Президенту сразу попадёшь на приём? – перешла в атаку старушка.

– М-м-м... Весомый довод: значит Бог – это Президент на небесах? Так!

– Так!

– Если Президент из полутора миллионов вопросов россиян ответил в эфире только на шестьдесят, то и Бог способен услышать только небольшое количество ваших молитв. Нет никакой вероятности, что твои молитвы дойдут до адресата... А если святой Аурий забудет, или не попадёт на приём?..

– Сие мне неизвестно, я лишь делаю то, что положено не нами, а правильно или не правильно – это не мне судить... Vogнал меня в греховные рассуждения – уйди на улицу, – отмолись надо... Греховодник!

Петр Михайлович вновь накинул на плечи куртку, надел картуз и вышел на крыльцо. В соседнем доме заливисто «горланил» петух; он оповещал всех, что наступило прекрасное

весеннее утро. Птица искренне радовалась появлению Солнца, которое воспринималось ею как Божество. Эту радостную и благую весть петух разносил по всей окраине посёлка.

– Вот, настоящий радетель перед Богом за всех, – блаженно улыбнулся он, взглядываясь в розовые верхушки деревьев, которые так причудливо были окрашены первыми робкими лучами восходящего солнца.

Локаут

Яков Семенович Медведев вернулся с работы поздно вечером. Нужно отметить – у агрономов, в период весенней посевной компании, всегда плохое настроение.

– Баню, Нюра, истопила? – я весь пропылился...

– Я, Яша, тоже была на работе, – библиотека, как ты знаешь: работает вечерами. Мне пора идти доить корову.

– Наказать ведь могла ребятам!?

– А ты сам не мог?

– Мог, но о чистоте тела своего мужа должна заботиться жена!!!

Анна Михайловна пожала плечами, схватила подойник и молча вышла в сени. После того, как молоко было процежено, хозяйка начала готовить ужин.

– Идите все за стол, – крикнула она мужу и детям.

На её зов прибежали трое детей: сын Николай, дочери: Надежда и Наталья.

– А ты чего не идёшь? – подошла она к лежащему на кровати мужу.

– Я объявляю тебе локаут¹.

– Во как?!

– Это – форма протеста. Может, после этого, ты более внимательно будешь относиться к моим потребностям.

– Протестуй, – спокойно ответила супруга, направляясь на кухню.

Две недели Яков Семёнович не разговаривал с женой, не подходил к столу, на котором стояла приготовленная супругой пища. Он самостоятельно, только для себя, готовил еду, топил баню, и даже сам стирал себе носки, трусы и прочее бельё.

После завершения весенней посевной компании всех агрономов района собирали на совещание в районном центре: должны обсудить итоги работы и наметить планы на летний период. До районного центра, в шестидесятых годах, прошлого столетия нужно было ехать по бездорожью не менее трех часов, то есть утром нужно было вставать довольно рано. По случаю локаута, объявленного жене, Медведев написал записку: разбуди меня в шесть часов, когда пойдешь доить корову: надо ехать в район...

Анна Михайловна прочитала записку и тут же оставила ответ: Вставай, – уже шесть часов!

В этот раз на районное совещание работников сельского хозяйства Яков Семенович не попал по банальной причине – проспал, но локауты с тех пор, как средство борьбы с супругой использовать больше уже не решался.

---

¹ Локаут – прекращение деятельности предприятия его владельцем с целью оказания давления на рабочих.

Искуситель

Алексей Михайлович уже лёг спать, когда его супруга Зоя пришла от соседки.

– Лёш, встань!

– Чего тебе ещё нужно? – У меня завтра заседание Думы...

– Успеешь выспаться, – вставай!

Нехотя Алексей откинул одеяла. – Ну, чего?

– Люстру сегодня новую купила в комнату... Уже собрала, – повесить бы надо.

– Потерпеть не могла, – ведь не молодухка уже, – пошутил супруг.

– Не могла, – с легкой ехидцей в голосе ответила Зоя.

– Пойду отключать «электричество» в комнате, а сюда проброшу временку из кухни. – «Настроился» он на выполнение просьбы – желания супруги.

Через десять минут Алексей Михайлович уже стоял на стремянке и снимал старую люстру. Рядом стояла жена с новым в стиле «Модерн» осветительным прибором, в котором множество витых волокон «шелестели» тонким малиновым звоном. Вот старая люстра была положена на стол. А хозяин уже вновь стоял на стремянке.

– Давай люстру.

– Держи.

– Провода подсоединить надо, изолировать, – спокойно рассуждал супруг. – А знаешь, Зоя?

– Ничего не знаю, – подняла она глаза вверх.

– Сегодня целый коллектив вступил в нашу партию «Единая Россия»

– Так разом? Ведь это не в «дерьмо» попасть, – как ты их «уболтал»?

– Им, в детском саду, нужна была электро-мясорубка, – мы и купили...

– Надеюсь не за свои кровные?

– Конечно, нет, – использовали административный ресурс...

– Искуситель ты у меня, Алексей, недорого купил душонки – то, – Павел Иванович бы позавидовал, – и тут она неожиданно протянула руку вверх и дернула мужа за «штуку» которая болталась в его трусах. Была это определенного рода шутка с её стороны, или же таким образом выразилось у неё сексуальное влечение – неизвестно. Но муж с диким криком: Ох-ох!!! Отнял руки от люстры и повалился прямо на супругу. Люстра следом за «электриком» упала вначале на стремянку, затем «брызгая» множеством осколков со звоном упала на пол. Зоя устояла на ногах, слегка отшагнув назад, успев ещё поддержать падающего на пол мужа.

– Током ё...о, Зоя! – поднимаясь с полу, оправдывался супруг.

– Дурак! – электрический ток ты сам отключил.

– Тогда что это было?

– Не знаю, – незадачливо ответила супруга. – Поставь пока старую люстру обратно, искуситель, а я уберу этот мусор в комнате... Завтра купишь новую люстру взамен разбитой, и лучше в счет административного ресурса. Понял!

– Если вступишь в нашу партию: такое у меня условие.

– А «фиганьки» не хочешь? – ответила супруга, подставляя мужу под нос фигуру, сложенную из пальцев правой руки. – Двадцать лет назад ты меня в компартию хотел затащить, а теперь в новую вашу партию! Если не купишь, то тебя снова может током дёрнуть! А?

– В таком случае без условий, – согласился Алексей Михайлович. – А кто такой Павел Иванович, упомянутый тобою?

– Дорогуша, ты мой, Чичикова Павла Ивановича каждый выпускник школы в России знает.

Конфуз

Лесничий Шакалов Петр Степанович приехал в Сотринский леспромхоз для освидетельствования лесосек, которые были вырублены предприятием в зимний период. Руководство предприятия выделило для поездки в лес большой автобус на базе автомобиля «Урал», так как в весеннюю распутицу на другой технике «попросту», далеко не уехать. Директор леспромхоза Копысов представил Шакалову инженера по лесоустройству Пинегину Зою Ивановну и двух рабочих, которых назвал просто: Николай Петрович, Федор Григорьевич, – они вам в помощь...

– Хорошо, – удовлетворенно отметил Петр Степанович, открывая учтиво кабину салона автомашины, чтобы посадить туда единственную женщину из комиссии по освидетельствованию лесосек.

– Лесобилеты, технологические карты, справки о количестве вырубленной древесины где? – осведомился у директора предприятия Шакалов.

– Пинегина всё взяла с собой.

– Ну, мужики, всё, – поехали! – Петр Степанович поднялся в пассажирский салон. Через две – три минуты автобус покачиваясь медленно начал выезжать за пределы посёлка. Мужчины, впервые встретившись, напряженно вглядывались друг в друга. Чтобы как – то разрядить гнетущую обстановку Шакалов решил первым начать разговор.

– И давно этот инженер по лесоустройству появился?

– Недавно ответил один из мужчин, который был представлен директором предприятия Николаем Петровичем.

– Хорошая бабёнка, ладная...

– Знаю, – ответил он.

– Ножки в меру полные и длинные.

– Знаю.

– И «грудешки» неплохие – в самом соку.

– Знаю.

– И «мордочкой» вышла и глазками... Наверное в постели огонь!?

– Знаю.

– Да откуда ты всё про эту бабу знать можешь? – Удивился Петр Степанович.

– Потому что я ей мужем прихожусь.

– ...

Не виноватая я!..

Две женщины подруги оживлённо обсуждали Великий пост, ибо впервые в жизни добровольно решили лишиться себя мясной и молочной пищи.

– Ты, глянь, Людмила, а до Пасхи ещё четыре недели!

– Не «фига» себе, – удивляется подруга.

– Я тебе по секрету скажу: натрескалась рыбы, – муж жарил, – не устояла...

– Это не большой грех. Только перед батюшкой покаяйся... Я на этой «поснинке», даже ночью встаю есть... Вот мусульманам хорошо: ночью могут во время поста всякую пищу «трескать».

– Я, Людмила, тоже себе вопрос задаю: почему у разных вер – разные и посты? Бог один, а посты нужно блюсти по – разному... Может надо, для того чтобы угодить Богу, все посты, по разным верам, соблюдать. Вот днем мы постимся по – христиански, а ночью по – мусульманскому... А?

– Не получится: грехи – то должен один кто – то отпускать: или поп или муфтий. Да ещё каждый из них за нарушение канона накажет...

– Понятно. Не терпят они друг друга.

– У-гу.

– Мне уж, Лида, – так звали вторую женщину, – своего греха не отмолить.

– Что так?

– Ты же знаешь что у меня два кота; один из них готов день и ночь на кошек прыгать, а толку нет: «потопчется» на ней, а дела – то произвести не может. Вот и пробовала я его «поудобнее» на кошек – то «садить». Сраму насмотрелась, а ночью во сне вижу красивого мужика и совсем голого... Какое – то дьявольское наваждение!..

– В котов всегда дьявол «вселяется»...

– Батюшка грех не простит: взгляда от «банана» мужика оторвать не могла...

– В мыслях грешишь – значит: на деле можешь. Наложил на себя какое – либо наказание...

– Какое?

– Ешь только хлеб с водой.

– Лучше давай поститься начнем со следующего поста, а сейчас уж согрешили, то и погрешим ещё... Кота очень жаль, – ведь март месяц. Согласна?

– Согласна, только котам больше не помогай сексом заниматься, а то чертей «натопчет» тебе, – выживут из дома, – дала добрый совет подруге Лида.

– Я и сама уж это поняла, только вины моей здесь нет: хотела помочь «бедолаге» от чистого сердца, ведь он ещё совсем молодой, – без опыта...

Двое

После спуска в подвал она долго привыкала к темноте. Наконец вблизи она разглядела его. Он сидел неподвижно, толи спал, толи дремал, – в густых подвальных сумерках это трудно было определить. Неожиданно он повернул голову к ней.

– Ну, что сучка драная!?

В этой реплике невозможно было найти раздражения, скорее сквозило равнодушие с легкой неприязнью.

– Да так...

– Чего там, – он сделал кивок головой в сторону перекрытия подвала, – наверху, тебе не хватало? Красиво жила, молча наблюдала, когда меня «опускали» сюда? Да?

– Дык, я...

– Не надо оправдываться, сучара – наше положение уравнилось... Присаживайся рядом, – обижать не буду.

Она присела вплотную к нему, склонив голову ему на плечо.

– Были же мы дорогой когда-то вместе...

– Ага, пока меня в подвал не «выпнули».

– Виноват же был, – попробовала слегка осудить его действия она, стараясь придать своему голосу самый миролюбивый тон.

Он оттолкнул слегка её голову плечом, – ссорится желания не было: она в чём-то была права.

– А что ты думаешь: я всегда должен был униженным себя чувствовать? Нет, этого никогда не будет. Природа моя бастует!

– Природа твоя пусть бастует, но поведение должно быть адекватным – социальным, как любят теперь говорить.

– А ты сама – то, как в социуме живёшь? Жрёшь не в меру; не умеренность – вот главный философский закон твой.

– Уж, очень ты любил соблюдать законы, – снимает она голову с плеча друга, громко возмущаясь.

– Чего же тебя «опустили», – говорю на тюремном жаргоне, – начал возмущаться и он.

– Чего? Чего? Переела тортов и отравилась...

– И всего – то?

– Ну, сходила «по – большому» на ковёр...

– А-а-а, – обрадовался и запрыгал он. – Ты попросту нагадила. У меня есть шанс, – они простят мои прегрешения: сползть за рыбой на стол, даже преступлением назвать нельзя!

Он торжествовал.

– Я сейчас поднимусь наверх, дорогая. Но, забывать тебя не буду. Я буду тебя приглашать на постную и скромную трапезу, – будь уверена.

Он высунул голову наверх из подвала. Мощная волосатая рука схватила его за загривок и поднесла к кучке неопределённой формы на ковре, а ещё через мгновение ткнула его мордой в вонючие испражнения подруги.

– А-а-а, – замыкал он.

– Понял! – ответила «Волосатая рука» «опуская» его в подвал.

– Ну, и что теперь ты скажешь сучка поганая? – Я наелся твоего г.....а!

Он с остервенением набросился на неё.

– А-а-а!!! – Закричала она, бегая по подвалу. – Он меня убьёт.

– Зарэжу, сука! – орал он.

«Волосатая рука», наверху, не могла понять: чего же там, кошки не поделили в подвале.

Очки

Ещё накануне, вечером, Сергей Евгеньевич Банников не думал, что таким тяжёлым будет утро. Ведь даже разбитые очки, после дружественной пирушки и небольшая на лбу ссадина не принесли заметного огорчения нашему герою, так как супруга – Марина Геннадьевна уехала в город и о причиненном ущербе ничего не знала. Очки же Банников планировал купить на следующий день: благо то, что очки продают теперь свободно... Именно очки, а вернее их отсутствие, и сыграло с ним злую шутку.

Хозяйственные работы, выписанные аккуратно его супругой на лист календаря, Сергей Евгеньевич выполнил сполна и против каждого «мероприятия» поставил жирную «галочку». Определённое затруднение вызвало лишь одно мероприятие: подоить корову...

Хотя Милка упорно не подпускала новоявленного дояра к своему вымени, но всё же он, оказался куда более смекалистым, чем бессловесная тварь. После того, как корова дважды опрокидывала ведро с молоком и хлестанула не один раз хозяина хвостом по лицу, Сергей решился на самые радикальные меры: он привязал за рога корову к стене, задние ноги сделал на «растяжку», то есть привязал ноги веревками в разные стороны, хвост Сергей Евгеньевич притянул к потолку. После того как «подготовительные» работы прошли успешно, дояр похлопал корову по крупу и спокойно сел к вымени.

– Вот, так и твоя хозяйка ломалась перед свадьбой... Ан, ничего уломал... В мои руки только попасть... – «циркающая» молоко в ведро, уже благодушно рассуждал Банников. После такого «затруднительного» мероприятия осталось только одна забота: полить огурцы в теплице.

Проснулся Банников от громких криков жены, которая возмущалась по поводу того, что он – дерьмовый хозяин, не загнал во двор корову, и оставил её не доённой...

– Не может быть, возразил супруг. – Кого-то вчера доил... Молоко в холодильнике... Проверь!

– Кого-то доил, – передразнила его супруга. – Ты посмотри хмырь усатый, кто стоит на улице!

Протерев глаза, он отдернул штору на окне, затем «гмыкнул» и прямо в трусах вместе с супругой отправился в хлев. И каково было их удивление, когда там обнаружили чужую корову.

– Так, ты – пьяный дурень подоил корову Мякишевых, которые всю ночь проискали её в лесу...

– Однако, бес попутал: масть коровы поменял... – недоуменно разводил руками Банников. – Без очков-то всякое может показаться.

На Кликун-озере

*О, жалок тот, кто носит крики
В своей душе, всегда смущенной
Блажен, с кем говорят негаснущие лики
Его душа – как лебедь сонный.*

К. Бальмонт

Августовский день короток, быстро переходит в длинную и тревожную ночь. Не успеет за вечереть, как легкая, влажная прохлада уже окутывает округу молочным косматым туманом. Огромное солнце, как оловянное блюдо – матово-блестящее, но не дающее животворного тепла, чуть задержавшись, исчезает за кромкой леса.

Тропинка, огибающая Кликун – озеро, вела к Афониной заимке, расположенной в густом непроходимом ельнике, на самом краю болота. Местные жители называли заимку по – разному: келья, скит, жильё пустытника.

Хозяин избушки, старец Афоня, объявился здесь несколько лет назад. Откуда, как и почему именно здесь он поселился – никто не ведал. Сердобольные старушки обычно говорили о нем: «Много претерпел...»

Осторожно, стараясь не замочить ноги, обутые в лапти, согбенный старец подходил к избушке. В правой руке посох – ивовая палка, обработанная бобрами, в левой – чётки. Выразительное лицо обрамляли бело-жёлтые патлы и борода. На голове – шапочка из черного сукна.

Обычный поход старца в село на этот раз был особенно неприятным: милостыню давали только богомольные старушки: божий дар не велик, но и его надо поделить с друзьями – зверями. Но горше всего для него было оскорбление двух молодых юношей, требовавших талоны на спиртное. Не мог объяснить старец, что живёт только «даром божьей пищи», а посему не вхож в Советы за талонами. Не поверили – обыскали, но кроме псалтыря в суме его ничего не было... «Проваливай старая ветошь», – с такими словами один из них толкнул старца в грудь. Упал он, головой ударился сильно, до беспомыслия. Видел, как Божья Матерь держала на руках Лебеда... Гладила его шептала: «Спи, душенька, спи».

Сколько пролежал – не помнит, пока не увидел склонившейся над ним лик старушки, окатывающей его холодной водой. – Вот и обмывать начали, – спокойно, без тревоги, подумал он. – Жив ли я, Божья Матерь?

– Жив, – ответила старушка.

Остаться в селе, у богомольных старушек, он решительно отказался, но хлеб, кусок рыбного пирога, как подаяние принял.

Вот и скит. Отдышавшись, трижды перекрестившись, Афонасий положил кусок рыбного пирога для зверей лесных, приговаривая:

«Кушай, тварь божья, и помни».

Он постоянно оставлял гостинцы для медведя, лисы, мышей, другой лесной живности.

Долго сидел старец, пока на небосклоне не показались звезды. – «Ох, опоздал с молитвой – то», – прошептал он про себя, с трудом поднимаясь. Скрипнула дверь кельи. Зажег лампаду, встал на колени перед иконостасом, начал читать молитву.

Окончив её, пустытник начал читать Евангелие. От Луки – по средам он читал именно его. Но, прочитав только одну страницу, повалился на бок, увлекая за собой и книгу и лампаду...

В селе пожар не заметили. Лишь утром прибежали на озеро мальчишки и увидели догорающие головни. Скит сгорел, как говорится, дотла, даже останки старца Афонасия найти не удалось. Вот только белый Лебедь одиноко кружил над пепелищем, тоскливо кричал, рвал гнету-

щую, тревожную тишину леса. Рассудили про Лебедя просто: приручил старик птицу. Правда, кто – то заметил: Лебедь три дня и три ночи жил на пепелище, и только после этого перелетел на Кликун – озеро.

...Удивительно прекрасно Кликун – озеро в конце августа: чарует, привораживает. Тихие, нежаркие деньки создают особенный необъяснимый уют, не для тела – для мысли, для её полёта. Неестественно загадочным, тайным становится озеро, а одинокий Лебедь, поселившийся здесь с некоторых пор, как беломраморное изваяние ласкает взор рыбаков.

Новенький «Уазик», внезапно появившийся на берегу озера, нарушил первозданную тишину округи. Вышедший из него водитель услужливо открыл переднюю дверь салона, из которого выскочил мужчина в спортивном костюме, темных очках.

– Едва добрались. На танке бы сюда.

– Ничего, Алексей Михайлович, добрались, – заискивающе ответил шефу водитель.

Из разговора выяснилось, что приехали начальствующие чины порыбачить и поохотиться. О ружье было сказано, когда все обратили внимание на плавающего невдалеке Лебедя. Не долго колебались отдыхающие, убийство же Лебедя «списали» на «хозяина сельской торговли», не обеспечившего выезд на природу свежим мясом, а «узаконили» присутствием в компании начальника милиции.

Закуска была приготовлена на славу, дичь на вертеле покрылась золотистой корочкой, издавая благоуханный аппетитный запах. Все разом принялись уничтожать горячее блюдо, зазвучали тосты, началось пиршество с возлиянием.

Но, видимо, не приняли грешные души прибывших людей безгрешного Лебедя. Произошло невероятное: сидевшие стали говорить друг другу о вещах, которые никогда в обычных условиях не сказали бы. Начальник милиции припомнил о нанятых защитниках, которые «замыли» дело о детской площадке, приспособленной водителем шефа под огород. «Хозяин торговли» – о спецобслуживании через базу, с которым надо бы кончать, а жене начальника милиции – Альбине поменьше бы есть черной икры.

«Давно бы ты сидел на Колыме, если бы не я», – парировал выпад начальника сельской торговли милицейский начальник. – Сколько «барахла» и гнилья по завышенным ценам народу «вдул»? Не помнишь?

Короче говоря, претензии о злоупотреблениях служебным положением были высказаны каждому, даже шефу. Вот тут главного начальника неожиданно осенило. Он догадался, что произошёл какой – то психологический срыв и, возможно, все чем – то отравились, и командовал: «Два пальца в рот!» После «лечебной процедуры» всё встало на свои места: взаимные извинения со всех сторон говорили о «временном затемнении», сошедшем на них.

А шеф подытожил: «Всё хорошо, что хорошо кончается, видимо точно отравились или на место дурное попали».

«Уазик» удалился, а на берегу Кликун – озера продолжал тлеть своеобразный погребальный костер по убиенному Лебедю. Останки птицы были разбросаны вокруг. Только непривычно ярко-синее небо пыталось поведать миру о произошедшей трагедии. Небо – вечная память земного, долго помнит...

Шутка

Удивительное место – Ивановка, получившая своё название от одноименной речки. Речушка, обильно поросшая смородинником, таволгой, дудником, отличалась исключительной прозрачностью, чистотой и на редкость была холодна из-за ключей и родников, питающих её круглый год. Берега речушки болотистые, с большим количеством колдобин, или как у нас говорили: «мочажин».

Утром над речкой долго стоит густой туман, напоминающий сказочные «молочные берега». Обилие хариуса в речке никого не удивляло, но баловаться удочкой в пору моего детства не любили. Объясняли это просто: «Рыбка да рябки – пропадай деньки».

Спустя уже 40 лет, я, бывая в родных местах, с тихой затаённой радостью вспоминаю Ивановку, подарившую мне приятную частицу босоного детства. Буквально в двух или трех десятках шагов от речки стоял бревенчатый барак, окруженный со всех сторон молодой березовой рощей, богатой подберёзовиками и подосиновиками, которые восполняли порой оскудевший харч работников – лесников.

Барак большую часть года пустовал и оживал только в период сенокоса. Здесь был своеобразный полевой стан работников местного лесничества, заготовлявших сено для лошадей. В этом урочище они имели небольшие посева овса и клевера. Впрочем, в бараке находили приют все: «малинники» – народ, собирающий замечательную ягоду на ближайших лесных вырубках, «частники», порой проживающие большими семьями, и заготовлявшие сено для личного подворья.

Работники лесхоза на правах хозяев занимали лучшие места – нары, расположенные ближе к русской печи, невзвест как сохранившейся от прежних хозяев, а весь пришлый народ располагался обычно прямо на полу, подложив вместо матрацев пахучее свежее сено.

Я, семилетний мальчишка, находился здесь в подмогу своему отцу. Обязанности были несложными: готовить обед и ужин для отца, работающего с конной косилкой. Рабочий день отца был разбит на две половины: утреннюю и вечернюю, поэтому обед я готовил к 11 часам утра, а ужин у нас был в 12 часов вечера. Во время нашего обеда барак пустовал, все находилось на работе. Питалось каждое семейство отдельно. Обычно домой ходили сами работники, но некоторым из них продукты доставляли жены. После каждого визита какой – либо женщины рабочие добродушно посмеивались над «счастливецем». Иногда подобные шутки были очень горькими.

В один из ненастных дней, когда все были в бараке и дружно брякали ложками в котелках, в барак вошла женщина, изрядно вымокшая. В руках у неё была авоська, за плечами рюкзак. Она выглядела не совсем обычно, не так, как все женщины нашей деревни. На ней было нежное, потемневшее от дождя, белое платье, кажется, с каким – то замысловатым рисунком, на ногах туфли – лакированные, а на талии узенький черный ремешок. Даже косынка была повязана иначе: не по-старушечьи, как повязывались наши деревенские женщины.

«Здравствуйте!» – сказала женщина и устало села на чурбан у самой двери. Она сняла рюкзак с плеч, достала платочек и вытерла капли пота и дождя с лица.

Мужчины, сидящие за столом, вразной по приветствовали женщину, для приличия пригласив её за стол.

«Где мой – то Егор? Наголодался, наверное?» – обратилась она к присутствующим.

Её муж в это время ушел на ближайшее поле за лошадьми. «Что ему голодать, – ответил за всех злой на язык Андрей Зеленкин, хитро подмигнув мужчинам., – У него ещё вчерашние шаньги не успели остыть. Вон ему сколько нанесла вчерашняя гостья!». —И он указал рукой на собственные продукты в углу, привезенные из дому накануне.

Женщина на какой – то миг растерялась, побледнела. А затем, быстро сунув платочек в рукав, решительно забросив рюкзак за плечи, схватила авоську и бросилась в обратный путь, даже не попрощавшись...

Такой быстрой реакции сидящие за столом не ожидали, они опешили, а затем дружно залились хохотом. «Смотри, какая форсистая!? Ха-ха-ха... Так и фыркнула... О-хо-хо... Характерная... Егор, – спустился с Уральских гор, а харчу тю-тю...», – восклицая и гогоча, вплоть до коликов в животе, покатывались со смеху мужики.

С одной стороны, мне было жаль женщину, но шутка и мне была по нраву. Я ещё не понимал, что мужчины мстили Егору из простой зависти: его жена была интересней собственных супругов, которые не умели и не могли показать себя с городским «форсом»

Через полчаса явился Егор. Он уже день «прихарчивался» у одного из лесников в долг. Этот же лесник пригласил вновь Егора к столу, совершенно не подавая вида, что здесь произошло. Кажется, ещё дня два Егор «харчевался» около чужого стола, а на третий убежал домой и больше на покос не возвращался. По этой причине уход за лошадьми был возложен на «шутника» Андрея Зеленкина, который всегда ругался по этому поводу.

Я бы забыл этот случай, но через три года, переехав в другую деревню, я неожиданно встретил эту женщину. Она была моей учительницей в четвертом классе. И жила она одна со своим сыном Петей, моим ровесником и другом.

Жаль было Петю, и я наивно думал, что Расскажи я тогда дяде Егору про злую шутку, у моего друга был бы отец.

«Ночная охота»

Петр Михайлович проснулся неожиданно среди ночи и, приоткрыв глаза, заметил, что в комнате, в которой обычно работала, писала планы учебных занятий его супруга, мерцает свет. Осторожно встав, стараясь не делать тяжелых шагов, Суетин направился соседнюю комнату: нужно было отключить настольную лампу, которую, уснув, по всей видимости, не выключила жена. Открыв дверь комнаты, он сразу отметил: супруга не спит, она легла поперёк кровати с мухобойкой в руке и сосредоточенно смотрит на пол.

– Что? – полюбопытствовал муж. – Опыт что ли для учеников готовишь?

– Тише! Дичь спугнёшь! – ответила она. – Ложись рядом...

Петр Михайлович не стал ждать вторичного приглашения, а супруга тихо, на ухо, рассказала ему об интересном занятии.

– Видишь ли, я немного проголодалась и, отрезав кусок колбасы, перекусила... А вот эту оболочку от колбасы уронила возле тумбочки... А потом смотрю к ней таракан бежит... Я хлоп рукой, и мимо... Он убежал: быстро гады бегают... Решила взять мухобойку – удобнее бить...

В это время из-под комода показался рыжевато-золотистый таракан. Он поводит усами, затем четко сориентировался на оболочку от колбасы, начал уверенное к ней движение... Хлоп... И таракана нет...

– Вот, видишь, какая охота!? – воскликнула с восторгом жена.

– Вижу. Только отнеси чуть подальше приманку от комода: удобнее бить будет... И сколько этой нечисти на твоей совести?

– Этот был четвертым...

– Ну-ка, дай мне! Я тоже попробую, – Суетин взял в руки мухобойку. Супруги замерли в тревожном ожидании. Через пять минут из-под комода вновь показался «пруссак»; Петр Михайлович «прицелился»... Хлоп... И мимо. Таракан убежал обратно под комод.

– Эх, мазила! Тоже мне мужик – таракана не может добыть на охоте... Дай мне мухобойку! – И жена решительно вцепилась в оружие охоты.

Суетин не хотел отдавать мухобойку; у него было только одно желание: реабилитироваться в глазах собственной супруги. Завязалась упорная борьба, вскоре супруги скатились на пол. Разгоряченное борьбой лицо жены оказалось прямо перед глазами Петра Михайловича. Ох, как же она симпатична! – подумал он, и руки невольно выпустили мухобойку, но она уже похоже им была не нужна; они слились в длительном и томном поцелуе. Наконец поцелуй превратился шумным и протяжным вздохом...

– Туши свет... Пусть плодятся и множатся..., – сказала Лидия Николаевна. Муж только этого и ждал...

Утром они были разбужены своим сыном Егором ровно в 9 часов утра.

– Петя, мы же с Егором оба в школу опоздали! – воскликнула с возмущением Лидия Николаевна. – А это всё твоя «охота»... Попадет теперь от директрисы...

– Кажись, ты первая открыла «сезон охоты», – возразил муж.

Собирались на работу Суетины суматошно, и быстро, покинули квартиру, не позавтракав.

Вернувшись с работы, Петр Михайлович застал супругу за непривычным занятием: она водила или мазала каким-то небольшим предметом возле плинтусов, на полу...

– Ты что делаешь? – поинтересовался он. – Дичь «подкармливаешь»?

– Травлю тараканов «китайским карандашом»; убрать их надо, а то «выволочку» из-за них получила от директрисы.

– А вчера, кажись, говорила другое: пусть плодятся и множатся...

– Петя, неужели ты хочешь, чтобы меня уволили с работы? Не будет тараканов – не будет «ночной охоты». Понял!

– А жаль. Это было очень романтично. Ночь. Таинственная амазонка выходит на охоту... И вдруг встречает прекрасного юношу, который влюбляется в неё с первого взгляда... Как жаль!

– Не расстраивайся, – успокоила его супруга, продолжая «обрабатывать» плитуса возле богатого «дичью» комода. – Тараканы плодятся быстро, и к летним каникулам восстановят свою численность... Вот там и открывай «сезон охоты»...

Сказав что-то невнятное про себя, Суетин с видимым неудовольствием отправился смотреть очередную серию «мыльной оперы» по телевизору – ему впервые было по-настоящему жаль тараканов.

«Естественное право»

Дачный участок, по мнению супруги Владимира Юрьевича Двинских – старшего советника юстиции, был выделен органами местного самоуправления крайне неудачно; его окружали участки «малозначительных людей», то есть народа, который трудится обычных рабочих профессиях. Самому владельцу участка это обстоятельство было даже «на руку»: именно носители рабочих профессий запросто помогали ему в сооружении тех или иных технических устройств на даче. Допустим, с помощью слесаря Голубкина Сергея он установил насос на артезианской скважине... А Федор Печкин помог установить электронагреватель в сауне... Иногда мужики после рабочего дня на дачном участке собирались у кого-либо в бане или сауне, играли в домино или «подкидного дурака», и естественно распивали пару бутылок водки. Это было время настоящего отдыха для правоведа, так как докучливая супруга в течение дня своими понуканиями и указаниями изматывала добродушного и совершенно не агрессивного мужа. Она не давала ему возможности даже вечером побывать в мужской компании, и если она обнаруживала, что её «благоверный» муж «утёк» к работягам, то она срочно бросалась его искать и со скандалом «вытаскивала» его из «дурной компании».

Вот и в этот раз мужчины успели выпить только по одной стопке водки и раскинуть один раз в «подкидного...», как грозная супруга старшего советника юстиции «застукала» «теплую компанию» в бане Печкиных...

– Опять, ты, Владимир Юрьевич, среди этих алкашей... Немедленно иди домой... Ты что не нашел для отдыха лучшей компании?

Мужчина молча встал и уныло поплёлся за гневной супругой.

Через 10—15 минут он вновь вернулся к своим товарищам.

– Я мужики, запретил ей ходить за мной... У вас настоящие жены: не следят за вами...

– Это всё потому, Юрьевич, – начал полемизировать Илья Самуилович Уткин – работник местной типографии, – что ты права для всех «качаешь», а сам права на настоящего мужика не имеешь...

– И то верно, – поддержал его Печкин. – Право мужчины на свободу от женского давления должно быть изначально. – Здесь он разлил водку по стопкам и аппетитно похрустев свежим огурцом, продолжил, – а уж потом там разные права, о которых ты нам здесь «плетёшь»... Давай вздрогнем!...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.